

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

История

GLASHA

скайп-школы

Калашникова Екатерина

Екатерина Калашникова

GLASHA. История скайп-школы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Калашникова Е.

GLASHA. История скайп-школы / Е. Калашникова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Для женщин нет ничего невозможного — об этом Екатерина Калашникова, руководитель языковой скайп-школы Glasha, знает не понаслышке. Перед читателями разворачивается захватывающее повествование о том, как прожить в столице без копейки в кармане, развить свое дело вопреки лихим девяностым, эффективным менеджерам и разнице во времени. В этой книге автор увлекательно рассказывает реальную историю о том, что жизнь полна нереальных сюрпризов, приключений и невероятных совпадений. Обложка создана автором. Содержит нецензурную брань.

© Калашникова Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Юбилей	6
Без беарнского мерина	8
«Мзиури»	9
В больнице	10
Учитель истории	12
Байки из склепа	15
Владочка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Посвящается моему замечательному мужу Олегу Калашникову, которому удалось сделать светлой мою жизнь, и моим любимым детям Маше, Андрею и Наде, которые поддерживали и поддерживают меня в любых начинаниях.

Юбилей

Сегодня у меня эпохальная дата. Двадцать пять лет со дня приезда в Москву. И почти десять лет с момента основания скайп-школы *GLASHA*, руководителем которой я являюсь.

Эта книга задумывалась как рассказ об успешном бизнес-кейсе, но в итоге она выросла в автобиографическую историю об эпохе лихих девяностых и не менее лихих двухтысячных.

Я думаю, каждый читатель найдет в приключениях провинциалки что-то свое, откликающееся только ему, и вспомнит, как жила наша страна на стыке двух эпох.

Интересно, что изначально я не стремилась приехать именно в столицу. В 1994 году я только закончила медицинское училище и устроилась на работу медсестрой в онкологический диспансер Волгограда. Денег нам, правда, не платили. Времена были смутные. Главный бухгалтер диспансера подрабатывала тем, что переводила зарплату сотрудников на свой личный счет и крутила там ее месяцами, получая проценты. Контролировать ее было особенно некому, так как все, кто надо, были в доле. Мы же работали за еду. Иногда пациенты подкидывали печенье.

Чуть раньше, весной 1992-го, начались боевые действия в Боснии. Боснийские мусульмане и хорваты стремились отделиться от Югославии, а боснийские сербы этому противились. В Волгоград потекли паломники – рекрутеры из только что народившихся казачьих организаций.

К 1994 году в боевых действиях на территории бывшей Югославии участвовало более пяти тысяч добровольцев из России. Это были обычные люди, попавшие на войну из-за того, что присоединились к тогдашнему русскому «патриотическому» движению, или связанные с участниками боевых действий личными знакомствами.

Вскоре в наш областной диспансер приехала матушка Ангелина, монахиня из Сербии, которой поручили организовать русский госпиталь. Сотрудников собрали в актовом зале. «Если вы сочувствуете нашему горю, – вещала она, – если вас ничто не держит здесь, вы можете помочь истекающему кровью братскому народу».

Голодные медики молча слушали вдохновенную речь матушки. Мне было девятнадцать. Я переживала личную драму. Ничто не держало меня в Волгограде. Я взяла визитку с телефоном монашки.

На следующий же день я заложила в ломбард сережки, подаренные бабушкой на окончание школы, написала заявление об увольнении и купила билет в Москву.

На визитке был указан адрес: «г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34».

Поезд на Павелецкий вокзал пришел в шесть утра; звонить по заветному телефону было еще рано.

В вокзальном киоске я купила карту Москвы и выпила кофе из пластикового стаканчика. На этом мои финансы закончились.

В волгоградский диспансер я ходила из дома пешком, так что навыки спортивной ходьбы имела довольно неплохие, да и по карте ориентировалась хорошо. В начале марта утром в Москве было уже достаточно светло, хотя и холодно.

До сих пор с изумлением вспоминаю тот свой длинный сюрреалистический путь по пустынным серым улочкам. И шок при виде величественного здания на Смоленской. Как ни странно, меня впустили в тяжелые высокие двери и даже дали позвонить. Чей-то голос монотонно продиктовал список документов, которые нужно было принести с собой. Среди них был и загранпаспорт, о котором я на тот момент и слыхом не слыхивала.

«Вам нужно вернуться в Волгоград, – устало закончил человек на другом конце провода, – и оформить все необходимые документы».

В принципе, можно было и не пить кофе на вокзале.

Наверное, сэкономленных денег хватило бы на «звонок другу» с просьбой выслать денег на обратный билет. Однако, как известно, история не терпит сослагательного наклонения.

Над Арбатом загорался рассвет.

Без беарнского мерина

Тысячи людей ежедневно прибывают в большие города.

У каждого из них, как у д'Артаньяна, своя история.

По расчетам ученых, сейчас московская агломерация составляет более двадцати пяти миллионов человек.

Каждый год 11 марта я медленно бреду по Старому Арбату среди этих миллионов, ревниво всматриваясь в следы архитектурных изменений. В моей памяти эта улица навсегда застыла такой, какой она была двадцать пять лет назад. Когда не было еще никакого «Макдоналдса» и жуткого памятника Пушкину и Наталье Николаевне. Зато был грузинский ресторан «Мзиури», что означает «Солнечный свет».

С самого утра трудолюбивые грузины заставляли столики шашлыками и горячими хачапури. Работали они дружно, все бывшие одноклассники, родственники или друзья. Не первый раз я задумываюсь о том, как же так получилось, что в этот весенний день в этом дружном коллективе не нашлось желающих мыть посуду. И почему предыдущая соискательница на эту почетную роль, Лилька-молдаванка, не вышла на работу.

Какая цепь случайностей предшествовала тому, что самый грамотный сотрудник ресторана, повар Дато – кстати, бывший учитель русского языка из Кутаиси, – нашел чистый листок и каллиграфическим почерком начертил: «Требуется»?

Листок призывно развеялся перед моими глазами, до этого привлеченными золотистой корочкой непревзойденно пахнущих хачапури.

– Добрый день, – я вежливо поздоровалась. – Хотела бы устроиться к вам на работу.

– Молдаванка? – Дато хмуро оглядел мою, очевидно, не внушающую ему доверия персону.

– Нет, – твердо ответствовала я, почувствовав в этом простом вопросе какой-то подвох.

Похоже, молдаване не пользовались здесь популярностью.

– Ладно, тогда переоденься и начинай, вон там форму возьми.

Это было самое короткое собеседование в моей жизни.

Работа, как известно, сближает. Только справляясь с трудностями плечом к плечу, можно узнать человека.

К вечеру я выучила грузинский язык и знала о моих коллегах по ресторанному бизнесу всё.

Кроме этого, на всю жизнь обожралась хачапури, чашушули и аджапсандали.

Усталая, но довольная, с пхали и чахохбили в большом пакете, я отправилась отдыхать в единственное знакомое мне в столице место – на Павелецкий вокзал. Удобно устроилась там в зале ожидания и моментально заснула. В середине ночи меня укрыли пуховым платком какие-то цыгане.

Начиналась новая, прекрасная и удивительная жизнь.

«Мзиури»

Утром я вприпрыжку бежала по знакомому маршруту.

– Где ночевала, красавица? – спросил повар, стоя рядом с большой жаровней, где шипело умопомрачительной вкусноты мясо.

– У тети, – заученно ответила я. Не рассказывать же, что провела ночь в цыганском таборе на вокзале.

– Э, дорогая, маленькая ложь рождает БОЛШОЕ недоверие, – процитировал Дато Шелленберга, проявив изрядную проникательность. – Если негде ночевать, так и скажи.

Так на второй день пребывания в столице я повысила свой бомжовский статус до нелегального, обосновавшись на раскладушке в Грузинском культурном центре.

В сентябре 2006 года психически неустойчивый Мишико¹ продал кому-то здание «Мзиури». На улице оказались ансамбли, вокальные студии, детский шахматный клуб... Да и вообще грузины России потеряли свой культурный центр на Старом Арбате.

Сейчас здание превратилось в страшную развалину грязно-желтого цвета, уродующую прекрасный Арбат. Но в 1994-м там всю кипела жизнь.

В гардеробе ресторана работала обаятельная Ольга Самуиловна, инвалид второй группы по здоровью и притом кандидат наук. А как вы, наверное, помните, в то время устроиться гардеробщицей для кандидата наук было невероятной удачей. Обычно они вместе с доцентами торговали на «Черкизоне», о чем нам оставил свидетельство неподражаемый Сергей Трофимов в своей песне «Вот комедия какая»: «По диплому я – конструктор-инженер, // И поверьте, что не худшего разряда. // Нас когда-то детям ставили в пример, // А теперь я продавец седьмого ряда».

Ольга Самуиловна отличалась вселенской сердобольностью – об этом знали все собаки, кошки и алкаши в округе.

Кроме того, у нее были потрясающие друзья: поэт и бард Александр Дулов, жена Андрея Битова Наталья, поэтесса Лидия Иотковская, внучатая племянница академика Харитона, правозащитница Елена Закс.

Именно тетя Оля ввела меня в круг московской интеллигенции, оказала огромное влияние на мое развитие, духовно поддерживала и продолжает поддерживать меня все эти годы.

Теперь я с гордостью могла сказать: «Я ночую у тети», и никто не смел заподозрить меня в лукавстве.

¹ Президент Грузии с 2004-го по 2013 годы.

В больнице

Мне всегда была интересна жизнь других людей. Особенно если у человека имеется длинная, насыщенная биография. Всегда поражаешься, какие совершенно незначительные случайности вызывают невероятные изменения, приводят к невообразимым последствиям. Удивительно, как раскрывается потенциал личности в критических ситуациях.

После своего необычного попадания в грузинский ресторан я начала присматриваться к невиданной московской жизни. Ночами гуляла по Арбату, заглядывалась на огни казино «Метелица», на диковинные дорогие машины, на роскошно одетых людей. Но в заплеванных арбатских двориках кипела совсем другая деятельность: ежедневно бомжи дрались за кусок хлеба или бутылку, наркоманы ширялись на ступеньках, «ночные бабочки» удовлетворяли неприятельных клиентов прямо в подъездах. Бродили в своих оранжевых балахонах чудные бритые буддисты, кришнаиты; неформалы лабали непривычную музыку; артисты интерактивно развлекали разномастную публику. Наступало лето. Скучать было некогда.

Но в какой-то момент мне, видимо, пришла пора перейти из посудомоек в другую сферу. Я опять-таки увидела объявление на столбе: «Приглашаются сиделки по уходу за больными, оплата 10 рублей в час».

Немного математики. Когда я работала в волгоградском онкологическом диспансере, моя зарплата официально составляла сто восемьдесят рублей в месяц (это с надбавкой за вредность радиологического отделения). В ресторане я получала двести рублей на руки, плюс неограниченное питание и бесплатное проживание, соответственно, за три месяца я не потратила из этих денег ни копейки. Они, любовно завернутые в тряпочку, лежали на дне моего полиэтиленового пакетика, с которым я прибыла из Волгограда.

Десять рублей в час казались мне нереальной суммой (двести сорок рублей за сутки?). И вот, отпросившись на пару часов у грузин, я пошла на собеседование.

Интеллигентный молодой человек был очень любезен. Он сказал, что выходить на работу я могу прямо завтра. Но в залог попросил мой паспорт, трудовую книжку и диплом.

Обратно я возвращалась в некоторых сомнениях, да и перед моими новыми друзьями было неудобно. Как будто бы я собиралась их предать. Каково же было мое изумление, когда, вернувшись, я обнаружила на своем месте Лильку-молдаванку, прежнюю работницу. Она очень эмоционально рассказала, что встретила, как ей казалось, «любовь своей жизни» и, не раздумывая ни минуты, прыгнула к нему в «Мерседес». Однако счастье оказалось недолгим, и вот она снова здесь.

Лилькины заплаканные, умоляющие глаза помогли мне сделать нелегкий выбор. Так началась новая глава моих приключений.

Сиделкой я работала больше года. За это время я перебивалась практически во всех больницах столицы. Я видела, как люди меняются в болезни и горе. Как беззаветно ухаживают за своими близкими одни родственники и как легко бросают родных на произвол судьбы другие. Как могут умирать люди: одни – с достоинством, вторые – со страхом, третьи – с проклятиями, а четвертые – просто счастливыми.

Мне очень повезло с первой пациенткой, бывшим директором фабрики «Красный Октябрь». Я ухаживала за ней после инсульта. Нас разместили в шикарной ВИП-палате. Мы провели вместе полтора месяца, постепенно двигаясь к выздоровлению. Я делала ей массаж, и парализованные конечности постепенно обретали подвижность: через пару недель мы уже начали подниматься в кровати и делать укладку. Старушка реабилитировалась поразительными темпами и ушла из больницы своими ногами. Я же за это время перепробовала всю про-

дукцию кондитерской фабрики, которую приносил сын моей подопечной мне и всему медсоставу больницы.

Сейчас фабрику вынесли за МКАД, а ее здание превратилось в супермодное тусовочное место. Однако каждый раз, читая прежнюю вывеску, я вспоминаю вкус шоколада и рассказы Анны Андреевны про товарищество «Эйнем» (таким было дореволюционное название фабрики, основанной в 1889 году) и производство спецпайков с повышенной калорийностью для бойцов во время Великой Отечественной войны.

С этой семьей был связан интересный случай. Когда сын пациентки увидел чудодейственный эффект от массажа, он между делом спросил, не сделаю ли я массаж его попугаю. Огромный какаду, неудачно повернувшись в клетке, сломал крыло. Пришлось наложить ему гипс. После чего доктора прописали массаж, но никто не берется его делать.

А надо-то всего пять сеансов. Пообещал, между прочим, двести долларов, но я что-то не решилась.

Через пару месяцев я разговаривала со своим учителем истории из Волгограда по телефону и, как курьез, рассказала ему про это предложение. Ответ историка был лаконичен: «Давай адрес, я выезжаю».

Учитель истории

Не знаю, как объяснить тот факт, что в самом отдаленном районе Волгограда, в школе, окруженной с обеих сторон общежитиями рабочих алюминиевого завода и бараками бывших заключенных, выпущенных на поселение, так называемую «химию и ЛТП», был замечательный состав учителей (чего совсем нельзя сказать о составе учеников).

Историк, Владимир Львович Соловейчик, играл нам на скрипке, показывал марки, читал вслух рассказы О. Генри. Дети обожали его. Уже взрослыми бежали в кабинет истории после армии или тюрьмы. Вечно он ходил в суд от школы, защищая своих непутевых учеников. Участвовал в каких-то рейдах по криминальным закоулкам нашего, скажем так, неблагополучного района. Это было время, когда молодежная преступность была на подъеме. Подростки ходили стенка на стенку – дрались железными прутьями. В нашем классе один был убит и пятеро сели за убийство. Еще двое – за изнасилование, трое – за кражи.

О школе у меня остались самые лучшие воспоминания.

Учителя были строгими, но относились к нам по-человечески, с любовью.

Как ни странно, в школе преподавало много мужчин. Черчение и военное дело вел Петр Филиппович, суровый одорукий ветеран войны: единственной рукой учил нас делать чертежи гаек и болтов, разбирать винтовки и метать гранаты. Один раз мне удалось удивить его – ко всему, казалось бы, привычного: я умудрилась вбить пулю в ствол винтовки неправильной стороной. Чтобы ее вытащить, собрали целый консилиум.

Физкультуру вел мастер спорта по волейболу Валерий Иванович. Он водил нас в походы и рассказывал страшные истории. Вздыхая, он ставил мне четверки, несмотря на то что стометровку я всегда пробегала последней, а мои прыжки через козла неизменно вызывали у одноклассников гомерический хохот.

Географию вел молодой, но абсолютно лысый Сергей Александрович. На уроках он в основном рассказывал о том, как служил на Кольском полуострове и как зимой, в минус пятьдесят два, у него потрескалась эмаль на зубах, а от радиации выпали волосы. Все свободное время он подрабатывал поклейкой обоев у зажиточных граждан, ведь надо же было как-то содержать жену и двух дочек.

Трудовика Александра Васильевича я знала не очень хорошо. Сын его был влюблен в меня и очень стеснялся.

Однако Соловейчик был самым крутым. Каждый урок он превращал в шоу. Мог так рассказывать об исторических персонажах, словно все они были его друзьями. В мастерской трудовика, уже подвыпив, он частенько с таким же мастерством рассказывал байки для взрослых, за что его ценили коллеги.

Владимир Львович сильно выручил меня пару раз.

Однажды, когда мне было лет двенадцать, я возвращалась домой из школы. Ко мне подошли два крепких парня и, что-то спросив, крепко взяли за руки. Они казались веселыми и пытались шутить. Я отвечала на шутки, и они предложили мне прогуляться. Во время прогулки, смеясь и шутя, я пыталась освободить руки, но мне никак не удавалось это сделать.

Мы шли в сторону оврага, все больше удаляясь от дома. Вдруг среди веселья я разобрала, что один из них проиграл меня в карты. Ну, не конкретно меня, а первую встречную школьницу. Трудно передать то чувство страха, которое я ощутила в этот момент. Солнечный весенний день был в самом разгаре, но улочка, по которой мы шли, казалась пустынной.

Вдруг от какого-то столба отделилась покачивающаяся фигура Владимира Львовича.

Пару минут мы смотрели друг другу прямо в глаза, потом он подошел ближе и прорычал: «Дочь, ты куда? Вы кто такие, ну-ка подите прочь!». Потом схватил мои руки и буквально вырвал их из лап этих орков.

Вместе мы рванули назад, оставив волков в этот раз без добычи. Всю дорогу я плакала и дрожала, ноги буквально подгибались от перенесенного стресса. Львович утешал меня как мог, довел прямо до квартиры и на прощанье дал мне свой носовой платок. Дома я залезла в пустой чемодан, стоящий под кроватью, да так и уснула в нем.

Во второй раз мне было восемнадцать. Я уже училась в медучилище и вращалась в большой компании всяческих подозрительных элементов. Был там один парень, Серега, недавно вышедший из зоны. После отсидки Серега твердо стал на путь исправления и устроился на работу дворником, получив, в числе прочих предпочтений, служебное жилье от государства, в просторечии дворницкую. Утром Серега работал на благо города, днем спал, а вечером уходил на ночную подработку в киоск, торговать бухлом и сигаретами. А в его дворницкую заваливалась наша шебутная компания.

Это было начало девяностых, все генерили бизнес-планы. Когда одного из наших пырнули ножом и ребята выстроились в очередь сдавать кровь для него, выяснилось, что все они были директорами ИП.

Весь лист доноров пестрел названиями этих ИП в поле «Место работы».

Но на самом деле нормальное ИП было только у Паши, Серегиного работодателя и хозяина киоска. Паша имел зверский вид гоблина, а его любимым развлечением была кража мелких продуктов у своих же продавцов.

«Серег, опять у тебя недостача, так что о зарплате можешь забыть», – говорил в конце смены коварный Паша. «Сам ты крадешь по старой памяти или дружки твои – меня не волнует» – примерно так можно было перевести его слова на человеческий язык.

Серега бледнел, краснел, злился, но ничего не мог поделать. Он не мог уйти от Паши, так как долг его стремительно рос, а Пашины дружки были куда опаснее лагерных.

Наша команда решила выкупить Серегу из лап рабовладельца. А для этого надо было собрать нехилую сумму в сто рублей. Вывернув все карманы, мы совместно наскребли только двадцать пять. И тогда в дело пошло знакомство с Соловейчиком. Других людей со стабильным доходом в нашем окружении не наблюдалось. Я позвонила школьному учителю и объяснила ему ситуацию.

Ко всеобщему удивлению, Владимир Львович согласился спонсировать «выкуп» абсолютно незнакомого ему человека. И вот воскресным утром я приехала к нему домой.

Семья Владимира Львовича завтракала. Эта сцена настолько потрясла меня, что до сих пор стоит перед глазами. В небольшой комнатке был накрыт стол, на фарфоровых расписных тарелочках стояли фарфоровые же подставочки для яиц. По обе стороны от тарелочек лежали вилки и ножи. Львович был в белой рубашке, на пальце у него сиял перстень. Жена учителя пригласила меня позавтракать с ними, сын принес дополнительный стул.

Смущаясь, я присела на краешек... Запах свежесваренного кофе до сих пор ассоциируется у меня с этим необыкновенным завтраком...

Самое интересное, что через двадцать лет, в Кельне, куда вскоре после описанных событий перебралась семья историка, они встречали меня точно так же радушно, с этими же изящными приборами.

Серегу удалось выкупить. В тот же день Пашин киоск сгорел, а поджигателя так и не нашли. Через месяц я отдала Львовичу деньги, и мы все распили бутылочку шампанского.

Львович перенес пару тяжелых операций, и сейчас его любимое место отдыха – Монтрё, курортный город на Швейцарской Ривьере. Там они с женой проводят не меньше трех месяцев в году.

В 1990 году правительство Германии начало предоставлять потомкам уничтоженных евреев право на эмиграцию и выплачивать достойное ежемесячное пособие, позволяющее им ни в чем себе не отказывать. Владимир Львович дал немцам шанс искупить свою вину, но даже несмотря на то, что Соловейчики воспользовались впечатляющей щедростью немецких властей, каждую осень он приезжает в Волгоград и первым делом идет в мастерскую трудовика Александра Васильевича.

Учитель не особенно активен в соцсетях, и поэтому непонятно, как ученики всегда прознают про его появление. И постепенно сползаются в школу как тридцати-, так и пятидесятилетние представители всех его двадцати выпусков – послушать байки своего старого любимого преподавателя и рассказать свои. Я думаю, что во многом благодаря таким учителям в стенах нашей школы смогли вырасти врачи и военные, юристы и инженеры, историки и биологи, да и просто нормальные люди. Им было с кого брать пример.

Байки из склепа

Я всегда хотела посвятить свою жизнь медицине. В детстве часами «лечила» старого плюшевого мишку, который достался мне от сестры. Вырезала ему аппендикс и капала в глазки. В шестнадцать лет устроилась санитаркой в травматологию, мыла полы в ожоговом отделении. Пациенты любили меня, сочиняли стихи, угощали вкусняшками, устраивали гонки на колясках (победителю – поцелуй).

Естественно, не было ничего удивительного в том, что после школы я пошла в медицинское училище.

С удовольствием я читала специальную литературу про запоры и поносы, делала клизмы и промывания, обрабатывала гнойные раны. На всем свете не было вещей, которые смогли бы меня отвлечь от любимого занятия.

Соответственно, устроившись сиделкой, я думала, что работа будет интересной и занимательной. Однако, к несчастью, люди пользуются такого рода услугами, когда ситуация становится совсем тяжелой.

Мои пациенты не радовались моему приходу. Они умирали. Многие были уже давно без сознания – огромные хрипящие туши.

Помню совсем молодого мужчину – кажется, ему не было еще тридцати. Друзья привезли его в больницу прямо из бани, голого, с геморрагическим инсультом. Его лицо было цвета сырого мяса, изо рта шла пена. Я в замешательстве стояла рядом.

Едва в палату зашли его друзья, здоровенные бритоголовые мужики, агония закончилась, и пациент перестал дышать.

«Это чего с ним? – угрожающе пророкотал один из гигантов. Он и сам был весь в поту, очевидно, от испуга. – Ну-ка, делай ему реанимацию!»

Я попросила позвать врача. Достала платок и начала делать мертвецу искусственное дыхание рот в рот, параллельно с массажем сердца. Оставшиеся парни внимательно следили за моими манипуляциями.

Доктор подошел минут через десять. Все было кончено...

Другой вызов был на дом. Большая квартира в Черемушках. На кровати потерялась малюсенькая женщина, почти полностью съеденная раком. Она или спала, или была без сознания.

Муж, симпатичный подтянутый дяденька, ушел по делам.

В середине вечера больная пришла в себя. Мы познакомились: ей сорок лет. Муж военный. Всю жизнь по гарнизонам.

Она плакала. Так ждали его выхода на пенсию, этой квартиры. Ничего себе не позволяли лишнего. Мечталось, что вот-вот начнется интересная жизнь. С походами в театр, выходами в свет, а не вот это все...

У пациентки недержание. Пришлось менять пеленки. Пока я протирала камфорой просвечивающееся бесполое тельце, несчастная, утомившись от гигиенических процедур, задремала.

Вернулся муж. И не один. На кухне загремела посуда, зазвенели бокалы. Через какое-то время из соседней комнаты раздались недвусмысленные ритмичные звуки.

Я взяла с полки первую попавшуюся книжку, пытаюсь углубиться в чтение. Вдруг заметила, что простыня моей подопечной намокает на глазах. Судорожно схватила какие-то тряпки, пеленки и попыталась промокнуть жидкость, но она все лилась и лилась.

Дыхания нет. Проверила пульс. Всё...

Парочка в соседней комнате не унималась. Я вытерла пол. Перестелила постель и, осторожно касаясь неподвижной кукольной фигурки, поменяла ей ночнушку. Мне хотелось, чтобы она выглядела достойно в этот момент.

Наконец хлопнула входная дверь. Вдовец ушел провожать свою подругу, еще не зная о своем новом статусе.

Вернулся часа через два. Я встретила его у двери. Ничего говорить не потребовалось. Он съехал спиной по косяку и сел прямо на пол.

Хрипло спросил: «Осуждаешь меня?» Кто я такая, чтобы осуждать... Дождалась вместе с ним бригады медиков. Он суетливо сунул мне деньги, на пять долларов больше, чем надо. Я не отказалась – пригодятся, чтобы взять такси. До рассвета оставалось часа два.

...В юности на все смотришь с оптимизмом. Единственный вопрос, который мучает меня до сих пор: какие же слова говорить в тот момент, когда человек переходит в небытие? Согласитесь, ведь это дико – просто молчать, наблюдая невероятный переход живого в неживое.

Хорошо, если рядом есть представители каких-то конфессий, их бормотание создает иллюзию правильности.

Интересно, как меняется отношение у людей к трупам. Вот только что старались помочь, разговаривали с состраданием и уважением... Одна минута – и уже совсем другой взгляд. «Ну что, жмура – в морг!»

Жизнь продолжается...

Был человек – и нет его, лежит в холодильнике, как замороженная курица... А в девяностые бывало, что и без золотых зубов...

Довольно о печальном. Расскажу случай повеселее.

Я уже говорила о моих замечательных школьных учителях, но были у нас и исключения.

Например, нам тотально не везло с химией. Последняя химичка просто утащила из лаборатории все реактивы и склянки, да и след ее протыла.

Поэтому на протяжении многих лет я учила химию сама. Безуспешно. Три раза пыталась поступать в медицинский институт и срезалась всякий раз на этом предмете. И вот, уже будучи санитаркой, прихожу я как-то на заказ в больницу с учебником по химии авторства доктора химических наук Позена, надеясь, что смогу попрактиковаться в свободную минуту. А моим пациентом оказывается САМ Позен, вполне еще бодрый девяностошестилетний старичок!

Посмеялись мы с ним и дружно сели решать задачки по химии. Весь день я пребывала в чудесном настроении, вечером помыла дедушку и собралась отбыть уже ко сну. Но не тут-то было. Ночью дедушка-академик предстал предо мною в облике сексуального террориста. Пришлось его бережно остудить, чтобы ненароком не отдал богу душу.

Утром химик снова был в ударе, как будто ничего не случилось, – вежливый и интеллигентный в общении.

Так и повелось: ночами в престарелого Джекила нашего вселялся дух Хайда. Однако волгоградский опыт общения с районным эксгибиционистом Васей не прошел для меня даром. Я умела за себя постоять. Доходило у нас с пациентом и до рукоприкладства. Как только выключался свет, академик начинал безбожно ругаться и размахивать своим потасканным орудием. Утром как ни в чем не бывало кушал кашку и мило улыбался. Занятия по химии приостановились.

К счастью, мерзкий старикашка быстро шел на поправку и вскоре был выписан домой, в объятия своей жены, которая была лет на пятьдесят его моложе.

Так что, друзья, после пенсии любовные страсти кипят с не меньшим накалом, чем в молодости.

Как-то ухаживала я в геронтологическом отделении за пожилой балериной. Старушкой ее уж никак нельзя было назвать, несмотря на почтенный возраст. Прямая спина, ежедневный макияж, стильный маникюр выгодно отличали ее от ровесниц. Ничего удивительного, что в

нее влюбился певец Большого театра из другого конца отделения. Я возила ее мимо него на коляске на прогулку.

Какие арии он пел! Весь персонал рыдал. Моя подопечная принимала эти любовные страдания как должное. Она никогда не видела его лица.

Только когда он перестал петь, тихо поинтересовалась: он умер? И попросила довести коляску до своего поклонника.

Инвалидное кресло с трудом втиснулось в предбанник, где стояла каталка с покойным. Она нащупала его руку и пожала ее. Из невидящих глаз катились слезы.

«Он красивый?» – едва слышно прошептала она.

«Да, очень», – глядя на высокий седой лоб, ответила я, и не соврала ни капельки.

С тех пор не могу без слез слушать романс «Отцвели хризантемы»...

Ну вот, опять сбилась на грустное...

Владочка

Все лето я проработала сиделкой в московских больницах. Видела, как молодой врач, сделав успешную операцию на сердце пожилого пациента, в отчаянии стягивал и швырял в угол палаты интенсивной терапии латексные перчатки. Несмотря на все его старания, пациент умер, потому что закончились одноразовые отсосы (ими убирают лишнюю жидкость из легких). Медсестры старались прокипятить одноразовые, но они быстро деформировались.

Видела, как расстроился великовозрастный сынок, когда мать неожиданно пошла на поправку: «Как? А мы же квартиру ее уже продали...»

Как родственники пациентов подходили к врачам и совали им деньги со словами: «Ну, вы это, там не усердствуйте особо». И врачи не усердствовали. Такие больные просто лежали безо всякого ухода, беспомощно глядя на гору таблеток на тумбочке рядом – воду им не приносили.

Как годами жили в больнице пациенты, завещавшие докторам свои квартиры, и как санитарная помощь отвозила домой недвижимых бабулек, так как их койковремя закончилось. Их бросали прямо у порога квартир.

Но я увидела и много примеров беззаветного ухода и заботы. Запомнился молодой человек в косухе, с длинными волосами —дальнобойщик Володя. Я ухаживала за его мамой, у которой случился инсульт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.